

Татьяна

ДОЛГОПолова

*

«**Какая станция?**» — спросила,
взглянув на сумрачный перрон.
И мне ответили: «Россия!»
И отцепили мой вагон.

*

Один цветок
в уже отвыкшей вазе,
и всё.
И — праздник.

Суровый Цельсий
подобрел на градус,
и всё.

И — радость.
Пройти квартал
и в двери постучаться,
и всё.

И — счастье.

*

Лето началось как-то разом.
Не успела я оглянуться.
Вот жёлтые бочки с квасом —
откуда они берутся?

Ведь где-то они зимуют,
лежат, как медведи в спячке.
И их зимний день целует
короткий такой, незрячий.

И я приезжаю сразу,
как лето наступит, в город,
чтобы напиться квасу
и боль положить за ворот.

*

Так продолжалось целый день
почти до вечера:
то я отбрасывала тень,
то ты отсвечивал.

Неутомимый боевой
фотограф чокнулся,
а всё ж добился своего,
и снимки чёткие.

А для чего были нужны
его старания?
Да чтобы ты стоял в тени,
а я — в сиянии.

*

Чудо — устав от дневных разговоров,
сесть у окна и увидеть вдали
красные яблоки светофоров
то ли сквозь ветки, то ли на них.

Чудо — уснув в надоевшей квартире,
где каждый шаг домового знаком,
вдруг оказаться в неведомом мире
и захлебнуться его сквозняком.

Чудо — конверт в разноцветии марок
вынуть из ящика, взвесить в руке
и ощутить невесомый подарок:
ваше дыхание в каждой строке.

*

Боялись.

Затихали.

Трепетали.

Агонизировали.

Убили.

Закопали.

Затоптали.

Канонизировали.

*

Чёрный с чёрным не сходен,
как ни взмахивай кистью.
Даже уголь не чёрен
рядом с чёрною мыслью.

Все слова — между прочим.
Повод явно надуман.
Что там — чёрные очи,
если — чёрное дуло.

Может, парюю были,
может, не были парюю.
Мелочь — чёрные дыры
рядом с чёрною ранюю.

И в последней хвори
вспомнишь локон колечком...
Лужа — Чёрное море
рядом с Чёрною Речкою.

— Так не пишут картину:
только чёрные краски...
Но ушли все белила
на посмертную маску.

*

Нет, я не справлюсь. И потом —
соблазн огромный:
так громыхнуть своим грехом,
чтоб все оглохли.
И в наступившей тишине —
назло кликушам! —
лифт осадить на этаже,
что мне так нужен.

*

Любовь — это не когда тебе приносят
в дом роз пять корзин,
и ты нюхаешь.
Любовь — это когда тебе полдня говорят
про девяносто третий бензин,
а ты слушаешь...

*

Едва проснувшись — лгу.
И засыпая — лгу.
Я откровенно лгу
во сне и на бегу.
Зато — всегда права.
Зато — какой успех!
Услышав: «Как дела?»
Солгу я: «Лучше всех!»
Я лгу, но я довольна:
спасает ложь от бед.
Вы спрашивали: «Больно?»
И я лгала вам: «Нет!»
Я в этой лживой луже
увязла навсегда.
Вы спрашивали: «Сдюжишь?»
И я лгала вам: «Да!»
Моя земная жизнь
отчаянно-проста:
она из чистой лжи.
Я лгу. Везде. Всегда:
в ночи, и поутру,
и в снегопад, и в дождь...
И если я умру,
не верьте — это ложь.

